

# ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЫНОЧНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ КООРДИНАЦИИ

**ЗАДОЯ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,**

доктор экономических наук, профессор,  
Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля,  
e-mail: zadoya@duep.edu

**ПИЛИПЕНКО АННА НИКОЛАЕВНА,**

кандидат экономических наук, доцент,  
Государственное высшее учебное заведение «Национальный горный университет»,  
e-mail: pelepenkoyi@mail.ru

Координация как процесс взаимного упорядочения планов экономических субъектов обеспечивается через функционирование особых институтов, главными из которых являются рынок и государство. В статье рассматриваются причины противопоставления рыночной и государственной координации, анализируются теоретические подходы к рассмотрению их функционирования в модели национальной экономики. Обосновывается необходимость рассмотрения рынка и государства как равноправных, взаимодействующих между собой и взаимно обуславливающих друг друга составляющих механизма координации.

**Ключевые слова:** рыночная и государственная координация; соизмеримость форм координации; право; политическая власть; институты.

*The coordination as process of the mutual sequencing plan economic subject is provided through operation of specific institutions. Market and government are main ones among them. In the paper reasons of the contraposition market and government coordination are considered, theoretical approaches to consideration of their operation in models of the national economy are analyzed. Need of consideration market and government as equal, interacting between them and mutually conditioning each other elements of mechanism to coordination is motivated.*

**Keywords:** market and government coordination; comparability of the co-ordination forms; the right; the political power; institutions.

**Коды классификатора JEL:** B52, P11.

## 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДУАЛИЗМА ГОСУДАРСТВА И РЫНКА

Любая национальная экономика обладает определенным способом упорядочивания (координации) экономических действий субъектов. Обычно к таким способам относят рыночную координацию, осуществляющуюся на основе взаимодействия спроса, предложения и равновесных цен, а также государственную (административную), базирующуюся на централизованном планировании и приказах-командах органов государственной власти.

В экономической теории утвердилась мысль о принципиальной невозможности соединения государства и рынка в одной модели координации, поскольку

эти формы являются понятиями разнопорядковыми и принципиально не совместимыми друг с другом. Рынок рассматривается в качестве составляющей экономической системы. Его механизмы базируются на стимулах и санкциях, производных от товарно-денежных отношений и конкурентной борьбы. Государство же считается элементом политической системы. В нем контроль над экономической деятельностью осуществляется не через экономические, а через властные отношения. Отсюда следует, что административная координация объективно отрицает координацию рыночную.

Достаточно четко по этому поводу высказался В. Репке, утверждая, что «... задача порядка в каждом конкретном случае может быть решена или через цену, или через государственный орган. В народном хозяйстве должен доминировать тот или другой способ. Между ценой и ведомством нет ничего, вернее, между ними – хаос. Это означает, что если хозяйственный порядок не стимулируется через цену, то координация и стимулирование должны осуществляться через план и приказы. Здесь нет третьего пути» (Рёнке 2002, 146).

Такая жесткая позиция относительно природы государства и рынка в той или иной степени характерна для всех направлений современной экономической науки. История свидетельствует, что в XX веке было предпринято только две попытки теоретического анализа способов соединения рыночной и государственной координации – это дискуссии 20-х годов в СССР о соотношении плана и рынка, а также ордолиберальные концепции о взаимозависимости хозяйственных порядков.

У советских экономистов не возникало ни малейших сомнений в том, что рядом с рыночной координацией возникает принципиально иная форма связи между экономическими агентами – плановая. Практика построения социализма как раз и нацеливалась на формирование новой, более эффективной формы координации. Исследуя взаимосвязь плана и рынка, одни теоретики противопоставляли эти механизмы, будучи убежденными сторонниками постепенного вытеснения стихийных рыночных регуляторов плановыми (Е. Преображенский). Другие – настаивали на рационализации рыночных стоимостных форм через народнохозяйственное планирование (А. Богданов, Н. Бухарин). Развивая идеи соединения стихийной рыночной и сознательной плановой координации, А. Айхенвальд, А. Мендельсон, Л. Юровский утверждали, что ни план, ни рынок в условиях переходной экономики не могут создать и не создают отдельного, особого состояния равновесия. Только на основе их взаимного приспособления устанавливается равновесие экономической системы. План учитывает ценовые сигналы рынка, функционирование рыночных форм регулируется планом.

В. Базаров, В. Громан и Н. Кондратьев в диалектике плана и рынка видели необходимость доминирования рыночной координации, считая цены основной сопоставления хозяйственных процессов. Плану отводилась вспомогательная роль – «... предвидеть наиболее общие направления развития, регулировать товарно-денежное хозяйство, не нарушая при этом необходимого для него рав-

новесия» (Фигуровская 1977, 198).

Теоретики отмечали исключительную сложность практической реализации данной задачи, поскольку всегда возникает опасность в итоге прийти к всеобщему администрированию. В частности, Н. Кондратьев утверждал, что «когда мы предвидим стихийную равнодействующую, то мы, тем самым, принимаем на себя определенные директивы по организации необходимых мероприятий» (Кондратьев 1989, 94), а значит, продолжал В. Базаров, «...задачи правительства вращаются в заколдованном кругу: нужно овладеть рынком, но овладеть им – означает его уничтожить<sup>1</sup>.

Эти предостережения приобретали особое значение, поскольку отражали всю хрупкость и неустойчивость сконструированного теоретиками механизма соединения рыночной стихии и плановости. Сегодня мы можем утверждать, что советские экономисты не смогли создать действенный методологический подход, который бы позволил им увидеть в механизмах государственной и рыночной координации общее, соединяющее начало. Основываясь на методологии марксизма и двигаясь в направлении нейтрализации различий между рынком и государством (стихийное-сознательное), исследователи теряли твердую почву под ногами в поисках соединительной основы для государственной и рыночной координации. Поэтому все варианты решения проблемы соединения плана и рынка так и остались гипотетическими. На практике победила сталинская административная модель.

С развитием математических методов анализа проблема соединения рынка и государства снова вышла на передний план, однако исследования в этой области уже осуществлялись не за счет поиска основы для эффективного соединения рыночной и государственной координации, а на доказательстве преимуществ какой-то одной из них. Так, польский экономист марксистского направления О. Ланге, исходя из гипотез неоклассической теории, доказал теоретическую возможность расчета оптимальных цен административным способом, воссоздав при этом работу рынка. Эти идеи получили признание в 60-х г.г. в СССР и были развиты экономистами математической школы, доказывающими преимущества плановой координации (Санур 2001, 43). Идею возможности более эффективного функционирования планового социализма по сравнению с капитализмом активно поддерживал Й. Шумпетер (Шумпетер 2007).

С другой стороны, Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, а также П. Суизи и Ч. Беттельхельм, присоединившись к дискуссии о плане и рынке, настаивали на несовместимости плана как инструмента сознательной координации с координацией спонтанной, характерной для рынка. Именно в разнородности сущностных оснований этих форм виделись неизбежно разрушительные последствия их соединения.

В дальнейшем проблемы координации, которые все с большей степенью стали проявляться в ходе развития социалистических стран, заставили ученых-

<sup>1</sup> См.: На плановом фронте. Избранные произведения. М.: Соцгиз, 1963. 178

экономистов окончательно убедиться в невозможности практической реализации идеи соединения плана и рынка. Они, собственно, и вывели за рамки предмета экономической науки все последующие попытки научных поисков в данном направлении. Сам исторический опыт являлся красноречивым свидетельством принципиальной несовместимости механизмов рыночной и государственной координации.

Еще раз проблема соотношения координационных механизмов возникла в немецком неолиберализме. Теоретикам и политикам в послевоенной Германии пришлось решать вопрос о преобразовании их административной экономики в более либеральную, а значит, снова совершать попытку соединения рыночных и государственных регуляторов. В ходе решения этой проблемы, В. Ойкен выдвинул положение о взаимозависимости политического, экономического и правового порядков и на этой основе предпринял попытку их соединения.

Реализация такого масштабного задания требовала применения методологии междисциплинарных исследований. Однако, в период работы В. Ойкена над «Национальной экономикой» (1947 г.) существовали только отдельные элементы такого подхода. В этом усматривается основная причина того, что немецким экономистам так и не удалось создать теорию, в которой бы государство и рынок как составляющие различных порядков могли бы соединиться на какой-то единой основе. Как отмечает В. Гутник, «... в теории В. Ойкена явно доминировали экономические методы исследования, хотя сам предмет – создание институциональных рамочных условий – предполагает, по меньшей мере, соединение юридических и экономических методов... параметры, которые определяли условия хозяйствования, невзирая на провозглашенный тезис о взаимозависимости, выводились из экономического анализа и теряли свою историчность. Поэтому концепция хозяйственного порядка не была завершена В. Ойкеном, многие ее элементы остались неразработанными» (Гутник, 24).

Как представляется, вся проблема заключалась в том, что В. Ойкен не смог в теоретическом плане подняться к пониманию глубинных оснований полисистемности, которые позволяют рассматривать отдельные элементы общества как взаимозависимые и, что самое главное, равноправные. Поэтому в ученого доминирует экономическая сфера – определяющим механизмом координации новой германской модели В. Ойкен считает цены и конкуренцию. Главный недостаток централизованно-управляемого хозяйства он видит именно в отсутствии свободного ценообразования. Ученый указывает, что государство влияет на экономическую жизнь через формирование рамочных условий, не являясь при этом непосредственным координатором хозяйственного процесса. Оно только предоставляет людям возможность самостоятельно учитывать существующие условия, приспособляться к ним. Иными словами, государство только регулирует рыночную координацию.

Таким образом, и в советских теориях 20-30-гг., и в ордолиберализме попытка соотнесения рыночной и государственной координации завершилась опреде-

лением в качестве доминирующей рыночной формы. В дальнейших исследованиях экономисты-теоретики вели речь уже исключительно о государственном вмешательстве в экономику в форме регулирования, но отнюдь не о государственной координации.

## 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИКЕ: ИСПРАВЛЕНИЕ «ФИАСКО РЫНКА» ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

В современном понимании теоретиков основным способом координации экономических взаимодействий считается рынок. Государство, как составляющая политической системы, присоединяется к нему только в той степени, в которой он не может выполнить свои функции. Как ни парадоксально, но фактически все направления экономической мысли разделяют данное представление. Ни использование принципиально разных методологических подходов, ни идейное противостояние по вопросам решения многих экономических проблем не помешали теоретикам прийти к одному и тому же выводу: государство в экономике выполняет то, что не может с наивысшей эффективностью выполнить рынок. Как правило, дискуссии между учеными ведутся относительно целесообразности, масштабов, форм и методов государственного вмешательства в экономику, но не касаются самого принципа соединения рыночной и государственной координации.

Наиболее последовательна позиция в этом вопросе у неоклассиков, настаивающих на самодостаточности рыночного саморегулирования и минимальном участии в этих процессах государства. Исходя из основных положений этой теории, все проблемы координации решает цена. Она контролирует производство, поскольку прибыли тех, кто его осуществляет, зависят именно от уровня цен. Последние определяют и распределение, устанавливая величину доходов, на которые будут приобретаться товары.

Государство как субъект, регулирующий экономику, возникает только по причине того, что рынок не может за счет своих механизмов решить определенные проблемы. Имеются в виду так называемые «фиаско рынка» (провалы), которые снижают координационную роль механизма саморегулирования и указывают на его неспособность обеспечить эффективность по Парето. Получается, что в качестве общих принципов функционирования государства в экономике выдвигаются исключительно те, которые детерминированы рыночной формой координации.

По такому пути, собственно, идут и представители других направлений экономической мысли, отличаясь, однако, выбором непосредственных сфер государственного воздействия на экономику. Так, в неоавстрийской школе, и, прежде всего, у Ф. фон Хайека, государство выводится за пределы экономических взаимодействий по причине того, что рынок вполне способен самостоятельно упорядочивать экономическую деятельность. Это осуществляется за счет конкуренции и свободного ценообразования, которые аккумулируют и обрабатыва-

ют рассеянные между членами общества знания.

Система цен у Хайека – это невидимая, неподвластная индивидуальному восприятию структура, которая заставляет людей действовать под влиянием практически неизвестных им обстоятельств и приводит к незапланированным результатам. В ходе этого процесса каждый индивид, владея абстрактной ценовой информацией, характеризующей состояние системы в целом, и, одновременно, личным знанием конкретной обстановки, имеет возможность интегрироваться в общий порядок, совершать действия, которые обеспечат ему наибольший выигрыш. Этим, собственно, каждый отдельный индивид будет содействовать и более полному достижению неизвестных целей незнакомых людей, которые предъявляют спрос на его продукцию.

Государство своим вмешательством в экономику искажает ценовые сигналы и, тем самым, нарушает спонтанный порядок. Поэтому в концепции Ф. фон Хайека оно рассматривается как элемент политической системы, необходимый для облегчения работы рынка и обеспечивающий через правовые механизмы выполнение особых правил. Вот что пишет Ф. фон Хайек по этому поводу: «Под давлением универсальных правил добропорядочного поведения, которые защищают частную собственность индивидов, спонтанный порядок установится сам, причем более сложный, чем при намеренных действиях. Вследствие этого, принудительная функция правительства должна быть ограничена контролем за выполнением этих правил» (Hayek 1967, 162).

Необходимость более широкой сферы государственного вмешательства в экономику по сравнению с неоклассическим подходом уясняется ордолибералами. Представители данной школы считают неправомерным ограничение роли государства только функцией поддержания правил хозяйствования. Государство, по их мнению, обязано создавать эти правила и изменять их в случае, когда они перестают быть действенными. Тем самым, расширяется влияние правой сферы на экономическую деятельность в плане утверждения плодотворности государства в становлении свободного рынка.

В такой позиции явно усматривается все тот же компенсаторный подход: поскольку рынок не может осуществлять свои координационные функции без соответствующих правил, то их обеспечивает и корректирует государство. Немецкие ученые утверждают, «...что перебои в хозяйственных процессах возникают из внешнего влияния, с которыми рыночная хозяйственная система не может самостоятельно справиться, и тогда призывает на помощь государство, или по причине неэффективного порядка, в чем уже вина самой экономической политики» (Гутник 2002, 23).

Кейнсианство по своим методологическим основаниям отлично от неоклассики и неолиберализма, поскольку отстаивает идею о необходимости масштабного влияния государства на экономику. Однако вводит его в экономическую сферу опять-таки по причине несовершенства рынков. Дж. М. Кейнс доказывает, что в условиях доминирования монополий, возрастания богатства общества

и снижения склонности к потреблению рыночный механизм оказывается неспособным к установлению равновесия. Ему на помощь должно прийти государство, которое через маневрирование доходами и расходами поддерживает достаточный уровень эффективного спроса.

Кейнс очень много говорит о рисках, неопределенности, которые искажают возможности принятия решений в рыночной среде. В последующей эволюции кейнсианства и, особенно, в посткейнсианстве, эти идеи приобретают особое звучание. «Главная функция государства, – по мнению посткейнсианцев, – заключается совсем не в устранении негативных экстерналий и не в борьбе с монополизмом, а в том, что государство принуждает к выполнению контрактных обязательств, то есть обеспечивает их инфорсмент ... Без такой деятельности ставится под угрозу непосредственное существование рынка, поскольку утрачивается доверие к контрактам и большинство субъектов будут избегать их заключения» (Розмаинский 2010, 15-16).

Если рассматривать подходы, которые реализуются в институционализме по отношению к роли государства в экономике, то здесь присутствует две версии: традиционная и неонституциональная. Позиция традиционного институционализма (старой школы) представляет государство в качестве института, который разрабатывает и обеспечивает общие правила игры с целью возрастания благосостояния и справедливости. В этом течении представлено только общий методологический подход, отстаивающий необходимость участия государства в экономике, содействующего эффективному функционированию рынка.

В рамках неонституционализма представлено анализ государства как создателя формальных правил и гаранта их выполнения, разработано теорию государства как организации, объединяющей субъектов, которые стремятся влиять на политические решения с целью максимизации личной выгоды. Но в нем нет попыток расширить научные поиски до одновременного охвата и рынка и государства как институтов координации, а, значит, доминирует все тот же свойственный неоклассике подход к исследованию экономических функций государства на основе «фиаско рынка»: высоких транзакционных издержек на защиту прав собственности и конкуренции, создания каналов обмена информацией, предоставления общественных благ и т. п.

Таким образом, мы видим, что в основных направлениях экономической мысли рынок и государство противопоставляются как порождение различных сфер общества – экономической и правовой. Отсюда и определение их компенсаторной роли по отношению друг к другу, которая может быть описана принципом «линейки». Оба ее конца – это экономический принцип рынка и политический принцип государственной власти. Чем больше «длины» линейки отводится рынку, тем меньше остается места для государства. Такое понимание, безусловно, упрощает реальность и позволяет изучить механизмы рыночных и государственных регуляторов. Однако, оно опасно в практическом плане, поскольку приводит к осознанию возможности за счет сознательного управления сформир-

ровать такую модель координации, в которой любая из сторон может быть сведена к неоправданному минимуму.

Практика реализации либеральных реформ в странах постсоветского пространства является достаточно ярким свидетельством несостоятельности такого понимания взаимодействия государства и рынка. Как отметил в свое время Л. Абалкин, «Необходимо понять саму логику общественных изменений, изучить, как формируются современные механизмы и структуры регулирования экономических и социальных процессов, как «разрывается» это парное противопоставление государства и рынка, удобное в методологическом и учебном плане, но очень далекое от жизни» (Абалкин 1997, 7).

Как представляется, выполнить эту задачу может подход, который бы содействовал отходу от противопоставления различных сфер общества. В реальности экономика не является изолированной от общества – она взаимообуславливается и активно взаимодействует с политической, правовой, культурной системой. В силу этого экономическая система может приобретать определенную структуру или ее усложнять в результате кооперированного действия многих процессов, связанных с целесообразной деятельностью людей, реализующейся и в экономической, и в политической, и в правовой и социокультурной сферах. Это дает возможность понять, что у государства и рынка как элементов различных систем, есть общие зоны в масштабах функционирования всего общественного организма.

### 3. УСЛОВИЯ СОВМЕСТНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И РЫНОЧНОЙ КООРДИНАЦИИ

Теоретические подходы, рассмотренные нами исходя из их отношения к рынку и государству, позволяют сделать одно очень важное обобщение. Противопоставляя эти феномены, исследователи явно или неявно связывают координацию экономической деятельности с согласованием планов хозяйствующих субъектов, которая осуществляется на основе правил. Если в модели равновесия Вальраса речь о правилах вообще не шла, то Ф. фон Хайек уже прямо говорит о необходимости следования правилам, считая, что без них рыночная координация является сложно достижимым процессом. Кейнсианство видит в следовании правилам, которые защищают контракт, средство снижения неопределенности. В теориях ордолиберализма сама категория хозяйственного порядка строится на правилах и механизмах, обеспечивающих их выполнение. Институционализм изначально исходит из правил и исследует их влияние на экономические процессы.

В связи с этим возникает вопрос, почему такие разные по своим предметным областям и методологическим посылкам направления экономической теории в конечном итоге вышли на один и тот же результат – связали координацию с правилами? Размышления над этим вопросом приводят к выводу, что при ис-

следовании механизмов, обеспечивающих согласованность действий экономических субъектов, невозможно обойти проблему поиска эквивалента, на основе которого можно было бы соотнести и найти точки соприкосновения противоречивых индивидуальных интересов.

Неоклассическая теория унифицировала людей, представив их рационально действующими индивидами, которые достигают единства на основе стоимостной и ценностной сбалансированности. Равновесная цена создавала почву для равной оценки одинакового индивидуального поведения и, тем самым, формировала основу для осуществления координации. Если же индивида снова превратить в человека, вернуть ему его собственную природу и допустить наличие различных мотивов его деятельности, то описание координации только на основе механизма цен окажется достаточно сложной проблемой. Как утверждает Л. Тевено, «Если мы хотим исследовать общие когнитивные формы, которые используют агенты и которые позволяют им координировать свои действия, то, прежде всего, нам необходимо остановиться на категоризации и кодификации. Поиск статичного эквивалента играет главную роль... Нам необходимо изучить огромное разнообразие способов формирования эквивалентности между людьми или вещами путем выработки стандартов или иных конвенциональных образований (Тевено 2002, 19-46).

Рассматривая экономическую деятельность как отражение действий реального человека, мы неизбежно выходим на понимание того, что она может быть сопоставлена только на основе следования общим правилам поведения. Действительно, принятие решений относительно поставленных целей и выбора того или иного варианта поведения принадлежит самим индивидам – они самостоятельно и на добровольной основе избирают правильные с их точки зрения и целесообразные образцы определенных действий. Это обуславливает индивидуальный характер выбора. Однако человек не изолирован от других людей. Он связан с ними целой системой взаимодействий и в силу этого в своем свободном выборе вынужден учитывать аналогичные свободные действия других людей. Получается, что одинаковая свобода всех создает своеобразную имманентную свободу каждого. А это уже означает для каждого свободного человека определенную разновидность принуждения.

Благодаря правилам определенные действия из множества возможных альтернатив становятся обязательными или необязательными для каждого конкретного человека. Правила нормируют и стандартизируют общественные отношения. Благодаря правилам, собственно, и обеспечивается гарантия порядка как уверенности в ориентации (поскольку каждый знает, на что имеет право лично он и другие), а также как предвидение результатов действий (поскольку учитывает влияние на результаты своей деятельности санкций за собственное нарушение правил и за аналогичные действия со стороны других). Зная правила, каждый член общества может делать выводы о поведении других в определенных ситуациях. Благодаря этому он также может планировать свои действия

с учетом стабильно ожидаемой реакции других агентов и чувствовать себя уверенно в каждой из возможных ситуаций. Правила задают параметры поведения людей, знания этих правил координирует поведение. Таким образом, необходимость согласования индивидуальных действий с деятельностью других людей обусловлена самими принципами жизнедеятельности в обществе.

Такое понимание координации позволяет утверждать, что и рыночная, и государственная координация не являются морфологически чуждыми, поскольку базируются на правилах. Более того, обе эти формы не являются единственно возможными. Исходя из различных уровней функционирования правил, О. Вильямсон впервые ввел понятие множественности способов координации.

Развивая эту идею, представители французской школы регуляции Л. Тевено, Л. Болтански, О. Фавро выявили наличие в организациях четыре доминирующих типа координации, а именно: домашнюю или патримониальную, рыночную, индустриальную и административную (Тевено 1997). В последнее время широкое распространение приобретает подход, выявляющий и исследующий еще одну форму координации – социальные и производственные сети. Правда, в сетях участники руководствуются в своих действиях не столько правилами, сколько общими ожиданиями и пониманием, выработанными на основе межличностных связей.

Каким же образом оказываются совместимыми механизмы рыночной и государственной координации исходя из правил? В первую очередь, за счет их взаимопроникновения. Действительно, если рассматривать рынок как спонтанный порядок, то в нем обнаруживаются элементы, функционирующие на сознательно установленных правилах. Примером может служить жесткая организация и планирование на отдельных фирмах, которые действуют в условиях экономической свободы. Как отмечает Ч. Линдблом «... предприятие, и особенно, корпорация, – это ключевой институт рыночной системы, ее квинтэссенция. Однако, это также нерыночный институт в середине и даже антирыночный институт, хотя и такой, который находится в рыночной системе. Это способ достижения координации действий через указания менеджера, а не через рыночные взаимодействия. ... Рыночная координация заканчивается перед дверью предприятия, дальше – начинаются приказы» (Линдблом 2010, 87-88).

Государство, являющееся, с одной стороны, организацией политической власти, сознательно создающей формальные правила, с другой стороны, функционирует во многом на правилах рыночных. Это и достаточно жесткая конкуренция между чиновниками за карьерное продвижение, и продажа во время выборов кандидатами различных партий своих программ за голоса избирателей, и деятельность по предоставлению общественных благ, осуществлению госзакупок на рынках товаров и ресурсов и т. п. Иными словами, большая часть деятельности государства все-таки является рыночной.

Если исходить из правил, которые составляют рамочные условия рыночной координации, то они во многом определяются государством. Как известно,

для рынка необходимо равноправное положение контрагентов. Именно благодаря праву сферы индивидуальных интересов, и не в последнюю очередь, за счет прав собственности, взаимно разграничиваются. В реальности свобода действий каждого отдельного индивида всегда сталкивается с границей там, где его действия могли бы ограничить свободу другого лица.

По мнению представителей ордолиберализма, рыночная координация всецело определяется частноправовым порядком, поскольку осуществляется на основе решений, связанных с двусторонними платными сделками обмена. Все субъекты, которые принимают участие в обменных операциях, через заключение сделок дают основание понять, что они отвечают их интересам. В силу этого товарный поток через акты свободно заключаемых договоров об эквивалентном обмене осуществляется с помощью частноправовой юридической сделки – платной трансакции обмена, покупки. Последняя, по сути, выступает своего рода формой кооперации, характерной для отношений между равноправными партнерами на основе ценовых сигналов и конкуренции.

Таким образом, без реализации прав частной собственности, свободы договора и имущественной ответственности экономические действия субъектов, равно как и рыночная связь между ними, оказываются вообще невозможными. Не может эта связь существовать и без правил, сужающих или вообще ликвидирующих возможность использования свободы договоров и прав собственности для развития частной экономической власти.

Как показывает практика, для поддержания конкуренции необходимы уже не индивидуальные действия противостояния монопольной власти, а мероприятия административного и законодательного порядка, направленные на создание и поддержку особых правил. И здесь вступает в силу система политической власти, благодаря которой право, собственно, и может реализовать свой потенциал. Следовательно, правовые нормы являются необходимыми институциональными предпосылками рынка. Однако их выполнение не может быть обеспечено без политической власти государства, на которое возлагается задача по созданию необходимых условий выполнения правовых норм. Поэтому-то государство как субъект, обладающий инструментами политической власти, включается в систему рыночных правил, которые не могут поддерживаться без правил формальных и особых механизмов принуждения к их исполнению.

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что для эффективной координации немаловажным условием является еще и легитимность установленных правил. Исторический опыт свидетельствует, что люди не мирятся долго с порядком, который не отвечает их представлениям о целесообразности. Поэтому для гражданского согласия, мирного сосуществования больших групп людей с конкурирующими интересами и координации их действий решающее значение имеет согласование индивидуальных взглядов с существующей моделью координации. Не получив легитимности в массовом сознании, ни правила рыночной, ни правила государственной организации не способны привести в действие координа-

ционные механизмы. И здесь мы вынуждены признать огромную роль идеологии, которая выступает средством убеждения людей в правильности и необходимости соответствующего порядка. По мнению Д. Норта, в долгосрочной перспективе широко распространенное уважение к закону, прав граждан, государства и власти правителя играет существенную роль в сохранении любого общества (Эггертссон 2001, 91).

### ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволяет осознать, какое огромное значение для эффективного функционирования системы, основанной на рыночной координации, имеют право, политическая власть и идеология. Право и закон обеспечивают экономическим субъектам широкие возможности распоряжения своими ресурсами – легальную свободу. Вместе с тем они предоставляют права контроля над благами в виде прав собственности. Эти права вместе со свободой запускают в действие механизмы взаимного приспособления по мере того, как люди используют свободу и объекты собственности для преследования своих собственных целей. Однако при этом они связываются требованиями кооперации и сохранения гражданского согласия, основанного на единстве ценностных установок и достигаемого за счет идеологии.

Но для реализации права и закона необходимы, по крайней мере, защита свободы и прав собственности, без которых никто не сможет предоставлять блага к обмену. Аналогично и другие правила – заключения сделок, выполнения договоренностей, отказа от использования рыночной власти в ущерб другим и т. п. – не могут обеспечиваться сами по себе, а требуют принуждения к выполнению. Идеологическая основа обменных операций также не создается рынком. Все это свидетельствует о том, что рыночная координация всегда смешана с координирующей силой других общественных институтов. Она как бы встроена в деятельность государства, семьи, предприятий и других организаций гражданского общества.

Поэтому функции государства в экономике связаны не только с корректированием недостатков рынка. Они предусматривают признание его роли в создании и поддержании правил рыночной координации, обеспечении баланса общественных интересов, социальной стабильности и гражданского согласия. Это означает, что в любой национальной модели не могут быть автономными рынок и государство. Они скорее взаимопроникают друг в друга, формируют определенный симбиоз и взаимодействуют между собой таким образом, что их синергия приводит к возникновению особых моделей хозяйственной координации. Поэтому в каждой отдельно взятой экономике фактически существует смешанный характер рыночных и государственных механизмов, а граница, которая их разделяет, является очень размытой.

Такое понимание взаимодействия координационных механизмов исключает возможность в ходе системных трансформаций формировать любые модели,

которые бы включали в себя рыночные и государственные регуляторы в качестве чисто технического, компенсирующего средства. Как заметил Я. Корнаи, «Рынок и государство – это не джин с тоником, которые легко смешать в желаемых пропорциях» (Корнаи 1997, 72). Создание эффективной модели координации предполагает целенаправленную работу по выяснению того, как в конкретных исторических условиях каждой страны формируются институциональные предпосылки рыночной координации, как рынок взаимодействует с правовой и политической системами общества и как в этих сферах реализуются экономические и политические интересы субъектов. Ответы на эти вопросы позволяют учесть весь спектр специфических особенностей национальной экономики и сформировать в ней более эффективную модель координации экономической деятельности.

#### ЛИТЕРАТУРА

Абалкин Л. (1997). Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // *Вопросы экономики*. № 6. 4-12.

Гутник В.П. (2002). Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: ЗАО «Издательство «Экономика». 271.

Гутник В. Теоретическое обоснование политики хозяйственного порядка и ее основные принципы / Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. (<http://ecsocman.edu.ru/text/16210039/>).

Кондратьев Н.Д. (1989). План и предвидение // Проблемы экономической динамики / Редкол. Л. И. Абалкин и др. М.: Экономика. 526.

Корнаи Я. (1997). Бюрократия и рынок // *Вопросы экономики*. № 12. 69-74.

Линдблом Ч. (2010). Рыночная система: Что это такое, как она работает и что с ней делать / Пер. с англ. Д. Шестакова, Р. Хаиткулова. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ. 320.

На плановом фронте. Избранные произведения. М.: Соцгиз, 1963. 346.

Рёнке В. (2002). Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм. / Пер. с нем. В. Гутника. М.: Экономика. 482.

Розмаинский И. (2010). К формированию посткейнсианской теории государства // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 8. № 1. 13-26.

Сапир Ж. (2001). К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики / Пер. с фр. Под науч. ред. Н. А. Макашевой. М.: ГУ ВШЭ. 248.

Тевено Л. (1997). Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // *Вопросы экономики*. № 10. 69-84.

Тевено Л. (2002). Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических преобразований // *Экономическая социология: но-*

вые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЕН. 19-46.

*Фигуровская Н.К.* (1977). Борьба с буржуазными концепциями плана и рынка в советской экономической литературе 20-х годов // Развитие советской экономической мысли в период построения социалистической экономики. М.: Наука. 476.

*Шумпетер Й.* (2007). Капитализм, социализм и демократия / Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо. 864 с.

*Эггертссон Т.* (2001). Экономическое поведение и институты. М.: Дело. 408.

*Hayek, F.* (1967). The Principles of a Liberal Social Order. In: Hayek F. Studies in Philosophy, Politics and Economics. Chicago: University of Chicago Press.